

В этот момент Сунь Цэ сжал бобок с таким усилием, что чуть не раздавил его, и смертельно захотел швырнуть его в Хуан Гая. Чжоу Юй тоже дрожал от гнева, но, искоса взглянув на Лу Су, заметил, что тот пристально смотрит на него и беззвучно шевелит губами: «Терпи».

Чжоу Юй глубоко вздохнул, напустил на себя улыбку и продолжил словесную перепалку:

— О великой доблести генерала Хуан Гая Юй тоже быллысь наслышан давно. Вот только доводилось лишь слышать голос, а человека видеть не доводилось. И вот сегодня воочию убедился, до чего же дородный у нас генерал.

Хуан Гай фыркнул, так что у него даже усы зашевелились:

— Старый Гай умеет лишь удерживать города да почивать на лаврах, не то что главнокомандующий — день и ночь напролет печется о благополучии господина и от трудов праведных аж лицом подурнел.

Чжоу Юй крепко стиснул зубы, подумав про себя: «Мое лицо подурнело исключительно из-за того, что меня доводят такие старые хрычи, как вы».

Не теряя самообладания, Чжоу Юй продолжал фальшиво улыбаться:

— Генерал Хуан человек в годах, и Юй бесконечно уважает его. Сегодня на пиру сплошь острые да живые блюда, так что Юй просит генерала Хуана откусать в меру и побереечь здоровье.

Хуан Гай восседал на своем месте и произнес:

— За добрые намерения главнокомандующего старый Гай благодарен от всего сердца. Но у Гая есть и свое скромное мнение — пусть главнокомандующий выслушает его без гнева. Отношения между главнокомандующим и господином донельзя близки, и мы все можем лишь завидовать этому. Господин же прислушивается к словам одного лишь Юя, и боюсь, со временем среди братьев неизбежно зародится недовольство...

Хуан Гай украдкой покосился на Сунь Цэ. Сунь Цэ больше ничего не пил, но хранил молчание с совершенно бесстрастным лицом.

Чжоу Юй громко рассмеялся, и его звучный голос прокатился по всему центральному залу:

— Генерал Хуан Гай глубоко заблуждается! В сердце господина всегда есть все присутствующие здесь братья и соратники. Можно сказать, что господин окружает каждого из них искренней заботой и ко всем относится с одинаковым вниманием...

Не успел он договорить, как Сунь Цэ с силой швырнул свой винный бокал об пол. Воцарилась мертвая тишина, все присутствующие поспешно опустили головы, не смея взглянуть на Сунь Цэ.

Сунь Цэ поднялся на ноги и с бесстрастным выражением лица бросил Чжоу Юю ледяным тоном:

— Ты. Вон отсюда.

Чжоу Юй изобразил крайний испуг, опустился на колени и взмолился о помиловании:

— Господин, Юй в порыве растерянности сболкнул лишнее...

Сунь Цэ с нетерпением взмахнул рукой и рявкнул:

— Разве ты не расслышав? Я не намерен повторять трижды.

Видя, как неловко складывается ситуация, Лу Су быстренько подбежал, поднял Чжоу Юя, и они оба направились в жилые покои во внутренних флигелях.

Дождавшись, пока слуги заменят бокалы и уберут с пола осколки, Сунь Цэ снова поднял чашу и произнес:

— Братья мои, Цэ всегда всецело полагался на вас. В нашей Армии семьи Сунь все полководцы храбро ведут войска в бой, а военные советники обладают незаурядным умом. Раз у Цэ есть вы, о благополучии Цзяндуна можно не беспокоиться. Ну, Цэ пьет за братьев...

Все поднялись со своих мест, поднимая чаши:

— Господин слишком вежлив, мы все по доброй воле готовы сложить головы за господина!

Сунь Цэ хлопнул в ладоши, приказывая служанкам вынести драгоценности и изделия из нефрита, и провозгласил:

— То, что мы смогли окончательно взять Луцзян и собрались здесь за пиршественным столом — заслуга крови и пота наших братьев! В знак признательности я жалую всё это вам.

Сунь Цэ запрокинул голову и осушил чашу до дна. Окружающие дружно закричали «ура», но в тот самый момент, когда вино проскользнуло в горло, в уголке глаз Сунь Цэ мелькнула слеза. Обжигающее, крепкое вино обожгло гортань, вызвав жуткую боль; еще секунду назад ароматное и густое вино теперь, стоило ему оказаться внутри, отзывалось жуткой тошнотой в

животе.

Прислуживавшая рядом служанка заметила, что Сунь Цэ ведет себя странно, и вполголоса осведомилась:

— Не желает ли господин средство от опьянения...

Сунь Цэ покачал головой и продолжил пить. Когда старые военачальники подходили, чтобы выразить почтение и выпить с ним, он неизменно озарял их улыбкой и отвечал тем же. Так продолжалось до самого окончания пира. Слуги провожали генералов обратно на постоянные дворы, и на лицах ветеранов сияло редкое воодушевление.

Сунь Цэ поплелся в свои покои, волоча ноги от усталости — от фальшивой улыбки у него даже онемело лицо. В комнате царили темнота и тишина, пахло вином, в животе тупо ныло. И не нашлось ни единого человека, который бы подал свет в масляную лампу, помог сменить ночное одеяние или выслушал бы пару сокровенных слов.

Обычно в таких случаях всё это делал Чжоу Юй. Сунь Цэ, конечно, хотел пойти к Чжоу Юю, но прекрасно понимал, что наверняка смертельно ранил его сердце. Слова, сказанные Чжоу Юем за пиршеством, возможно, сорвались у него с языка не со зла и не стоили и выеденного яйца. Но сам он отчетливо видел: старые военачальники затаили обиду из-за того, что он слишком опекал Чжоу Юя. Смертельно боясь, как бы эти люди тайком не расправились с Чжоу Юем, Сунь Цэ был вынужден намеренно дистанцироваться от него, чтобы все думали, будто он не выделяет Чжоу Юя особо.

Разумеется, за показной ссорой с Чжоу Юем крылся и другой умысел — задобрить старых генералов, чтобы укрепить свое положение. Только прочно закрепив власть, можно было успешнее покорять эти земли.

На самом деле, не успела еще затихнуть брань в адрес Чжоу Юя, как Сунь Цэ горько пожалел об этом. Но раз уж ради благополучия государства был сделан такой шаг... Слово правителя — закон. Неужели ему, господину Сунь Цэ, придется идти и кланяться Чжоу Юю? К тому же, раз у того столь мягкий нрав и он предан ему всей душой, через пару дней он и сам его простит.

В этот момент за дверью мелькнули две тени. Судя по голосам, это были Лу Су и Чжоу Хань, которые принесли с собой судок с едой и вино и намеревались навестить Чжоу Юя.

— Господин Цзыцзин, ну честно! Того вина, что есть у моего молодого господина, и на донышко не хватит, а вы еще и отнимаете, — специально громко заявил Лу Су Чжоу Хань.

Лу Су с понимающей усмешкой ответил:

— Ах ты щенок, выпил всего чашечку у своего господина, а уже так защищаешь хозяина!

Чжоу Хань шутливо отчитывал Лу Су, и они оба, хихикая и толкались, направились к комнате Чжоу Юя. Сунь Цэ, сдерживая кипящий гнев, уже было порывался распахнуть дверь, но вовремя остановился. В темноте его охватило острое чувство вины: неужели после того, как он обидел Чжоу Юя, тому нельзя даже выпить вина, чтобы развеять тоску? Уж не перегнул ли он палку...

В последующие дни Чжоу Юй, следуя совету Лу Су, осыпал старых военачальников подарками и перестал появляться на пирах. Ветераны решили, что Чжоу Юй впал в немилость у Сунь Цэ и теперь пытается заискивать перед ними. На душе у них тотчас полегчало: они не только перестали таить обиду на Сунь Цэ, но и начали относиться к Чжоу Юю куда учтивее.

— Вот видишь: поешь с чужей руки — язык укоротишь, возьмешь чужое — рука онемееет. Тебе, Гунцзинь, не стоит переживать из-за небольшой щедрости — если это заставит таких грубиянов сложить головы за тебя и господина, оно того стоило, — вел беседу за чашкой чая Лу Су, сидя с Чжоу Юем на террасе павильона. Заметив выражение лица собеседника, он понял, что на душе у того скребут кошки, и поспешил утешить друга.

В сердце Чжоу Юя бушевало лишь капель двадцать недовольства, зато стоявший рядом Чжоу Хань был взбешен до предела и едва ли не топал ногами от злости:

— Жалованье молодого господина за этот квартал почти полностью ушло на подарки!

Лу Су нахмурился и тихо спросил:

— Господин относится к тебе как к родному, неужели он оставит тебя в обиде?

Чжоу Юй улыбнулся:

— Мне, по правде говоря, наплевать на деньги. Единственное, о чем я забочусь — это великое дело господина. Когда его власть окрепнет, богатства сами поплывут в руки.

Лу Су улыбнулся в ответ:

— Раз ты умеешь смотреть на вещи проще, это к лучшему. Рано или поздно всё это пришлось бы сделать, а раз сделал сейчас, потом уже не придется ломать голову.

Чжоу Юй протянул Лу Су пиалу с чаем:

— Цзыцзин, у меня просто на душе скребет от обиды.

Услышав это, Лу Су даже испугался протягивать руку за пиалой. Возьми он ее — придется разделять с Чжоу Юем его тревоги, а не возьми — Чжоу Юй рассердится. Но злить господина

Чжоу Юя было нельзя, а уж сейчас, когда тот наверняка был на взводе, и подавно.

Заметив замешательство на лице Лу Су — он колебался, не зная, как поступить, и слегка подрагивал руками, — Чжоу Юй резко схватил его за руку, вложил пиалу в ладонь и наигранно-враждебным тоном бросил:

— Цзыцзин?

Лу Су с дрожью в руках перехватил пиалу и залепетал:

— Я... просто... мне до ветру приспичило, вот...

Чжоу Юй усмехнулся:

— Я всегда считал тебя своим братом. Ты столько раз выручал меня, и даже если ты откажешься слушать мои жалобы, я ведь всё равно на тебя не в обиде.

Лу Су, обливаясь холодным потом, торопливо отпил чаю и заговорил снова:

— Гунцзинь, я понимаю: при посторонних Сунь Цэ вынужден вести себя с тобой сурово, как с обычным подчиненным. Но подумай сам: ты ведь молод, а господин... он ведь тоже молод! Основы их власти еще не прочны, сейчас действительно приходится терпеть...

Чжоу Юй кивнул и тяжело вздохнул:

— Брат Цзыцзин, Юй всё это понимает.

Лу Су продолжил:

— Я и раньше советовал тебе: будь просто рядом. Надеюсь, ты все-таки сможешь посмотреть на это проще.

Бросив на Чжоу Юя боязливый взгляд и заметив, что тот никак не реагирует, Лу Су обеспокоенно добавил:

— Гунцзинь... с тобой всё в порядке?..

Чжоу Юй поднялся с места, устремил взгляд на открывавшийся вдали прекрасный пейзаж, легко усмехнулся и произнес:

— Со мной всё в порядке. На самом деле, я уже давно смирился с мыслью, что всегда буду идти позади него.

Лу Су покосился на дверь павильона и ничего не ответил.

В этот момент Люй Мэн и Сунь Цэ стояли прямо за дверью, подслушивая разговор. Услышав это, Люй Мэн почтительно поклонился Сунь Цэ и вполголоса произнес:

— Поздравляю вас, господин.

Сунь Цэ холодно ответил:

— Развегого стоит вот так проверять его чувства?

Люй Мэн продолжил:

— Мэн тоже считает это неправильным, но раз уж господину было любопытно, господину Цзыцзиню пришлось прибегнуть к столь дурной мере...

Тому, кто любит, свойственно тревожиться по пустякам.

Сунь Цэ махнул рукой, велел ему замолчать, и вздохнул:

— Я знаю, что он перенес слишком много обид.

Сунь Цэ повернулся и зашагал прочь, Люй Мэн последовал за ним. Лу Су, предположив, что Сунь Цэ уже удалился, вдруг обернулся и с улыбкой бросил шутку в адрес Чжоу Юя, который все еще смотрел на горную долину, раскинувшуюся у подножия террасы:

— Кажется, они уже ушли. Если тебе совсем невмоготу, можешь прыгнуть вон туда.

Чжоу Юй бросил на Лу Су косой взгляд, вмиг сбросил с лица благожелательное выражение и злобно ответил:

— Если я умру, то непременно утащу с собой тебя, Лу Цзыцзин!

Лу Су громко рассмеялся, отхлебнул чаю и заметил:

— Знаешь, вместо того чтобы разыгрывать здесь перед ним широту взглядов, лучше бы пошел и прямо расспросил о его чувствах — избавил бы себя от лишних мучений...

Чжоу Юй повернулся к нему, одарил дьявольской усмешкой и спросил:

— Когда ты догадался?

Улыбка Лу Су тоже наполнилась глубоким смыслом:

— В тот вечер на пиру я попросил тебя нарочно разозлить его, чтобы он отругал тебя и тем самым заслужил преданность аристократических кланов. И ты действительно решился пойти на это ради него, не боясь погубить собственное будущее и даже жизнь... В этом мире можно лгать о чем угодно, но искренних чувств не скроешь.

Видя, что Чжоу Юй молчит, Лу Су сменил тему:

— И все же на людях стоит соблюдать приличия.

С этими словами он поднялся, поклонился и собрался откланяться.

В мгновение ока приблизилась зима. Сунь Цэ приказал Хуан Гаю оставаться в Луцзяне для охраны, оставив половину войска на постоянную стоянку — на случай, если у Юань Шу вновь пробудятся дурные помыслы. Остальные же силы разделили: часть отправили гарнизоном в Лиян, а оставшихся военачальников и солдат Сунь Цэ увез с собой в Цзяндун, в усадьбу Сунь, чтобы в наступающем году заново заняться набором рекрутов и переформированием войск.

На военном судне Армии Сунь Чжоу Юй, закутавшись в меховой плащ, с тоской вглядывался вдаль. Несколько лет он не видел родителей, интересно, как они поживают теперь?

— Хоть зима только началась, а холодает уже изрядно, — заботливо произнес Сунь Цэ, появляясь за спиной Чжоу Юя.

Чжоу Юй обернулся, одарил его улыбкой и вновь устремил взор вдаль, не желая сдвигаться с места. Сунь Цэ нахмурился и подошел ближе:

— Ишь устался, будто от холода растаешь. Рано или поздно увидимся же, не на вечность расстались.

Вспомнив, что Сунь Цэ лишился родного отца, Чжоу Юй поспешил его утешить:

— Бофу, не тревожься. Отныне я, Чжоу Юй, буду неотлучно следовать за тобой везде...

Сунь Цэ слегка склонил голову, глядя на Чжоу Юя с улыбкой:

— Что, уже не сердишься на меня?

Чжоу Юй бесстрастно ответил:

— Я не помню, чтобы что-то происходило.

Сунь Цэ громко рассмеялся и попытался закинуть руку Чжоу Юю на плечо, но тот плавно увернулся.

У ворот поместья Сунь грянули хлопнушки. Управляющий стремглав влетел во двор, помчался к главному парадному залу и с восторгом завопил сидевшим внутри:

— Госпожа! Госпожа, великая радость, молодые господа вернулись!

В этот момент госпожа Чжоу и госпожа Сунь сидели в зале, мирно беседуя о том о сём. Услышав это, обе матроны в тревоге вскочили на ноги. Управляющий согнулся пополам, тяжело дыша, и госпожа Чжоу поспешно спросила:

— Говори же! Быстро говори, кто вернулся?

Госпожа Сунь тоже нахмурилась:

— Переведи дыхание и докладывай толково.

Управляющий громко отрапортовал:

— Это господин и молодой господин Гунцзинь! С победой вернулись домой!

Услышав это, госпожа Сунь и госпожа Чжоу переглянулись с сияющими лицами и бросились друг другу в объятия, заливаясь слезами.

— Сестрица, мы наконец дождались... — сквозь слезы улыбнулась госпожа Сунь.

Госпожа Чжоу промокнула глаза платком:

— Такой у меня единственный сын, как не ждать его возвращения, каждую ночь сердце кровью обливалось...

Госпожа Сунь утешала ее:

— Главное, что вернулись, вернулись живыми.

Госпожа Чжоу кивнула в знак согласия:

— И то верно, оба вернулись.

Остальные военачальники, сойдя с кораблей, разошлись по собственным домам, Сунь Цэ же и Чжоу Юй, уставшие с дороги, напрямик направились в усадьбу Сунь. Едва они переступили порог, как высыпавшие навстречу слуги и служанки дружно поклонились:

— С возвращением, господин и второй молодой господин!

После этого все бросились наперебой забирать дорожные вещи и свертки. Управляющий тоже шагнул вперед:

— Старший господин, молодой господин Чжоу! Матушка уже отдала распоряжение, на кухне готовится семейный пир, а в купальнях уже сменили воду — вы оба сможете немного отдохнуть, а затем омовение совершить и переодеться.

Сунь Цэ взмахом руки велел слугам разойтись:

— Довольно, мы знаем о ваших стараниях, ступайте все.

Слуги хором ответили поклоном:

— Слушаемся.

Сунь Цэ подскочил к Чжоу Юю, обнял за плечи и с улыбкой предложил:

— Пойдем, составишь мне компанию в купальне.

Кто бы знал, что Чжоу Юй тут же скривит лицо и наотрез откажется:

— Нет, Юю нужно пойти и засвидетельствовать почтение матушке.

Видя, что Чжоу Юй, не говоря больше ни слова, разворачивается и уходит, Сунь Цэ замер на месте. Ему показалось, что холодность Чжоу Юя превосходит стужу зимней метели.

На душе у Сунь Цэ стало скрести так паршиво, что он щелкнул пальцами. Из-за его спины тут же материализовался Лу Су и почтительно наклонился, прислушиваясь к отдаваемым шепотом

распоряжениям. Внезапно Лу Су нахмурился, его глаза полезли на лоб от изумления, а под конец, не в силах сдержать шок, он поклонился и произнес:

— Господин, прошу вас, трижды подумайте.

Сунь Цэ холодно усмехнулся:

— Чего ты пугаешься? Разве эта штука вредна для здоровья?

Лицо Лу Су покраснело от жара, он замялся и выдавил:

— Но... господин же сам говорил, что не станет принуждать главнокомандующего, а теперь... К тому же господин уже в том возрасте, когда пора бы и о женитьбе подумать...

Сунь Цэ хлопнул Лу Су по плечу с усмешкой:

— Цзыцзин, я знаю, что матушка постоянно наседает на тебя, заставляя уговаривать меня жениться, но не забывай...

Выражение лица Сунь Цэ мгновенно переменилось, в нем проступила леденящая властность:

— Глава семьи Сунь — это я. В клане Сунь Чжоу Гунцзинь — никакой не главнокомандующий, а лишь мой названный брат.

Лу Су нахмурился, поспешно отвесив поклон:

— Слушаюсь. Раз есть приказ господина, Цзыцзин беспрекословно исполнит его.

Сунь Цэ посмотрел вдаль, где Чжоу Юй о чем-то весело беседовал с Чжоу Ханем, и недовольно бросил:

— У тебя есть три дня. Для человека твоих талантов это не должно быть сложно, я всегда на тебя полагался. — Сунь Цэ прищурился, улыбнулся Лу Су и зашагал прочь.

Для Лу Су этот решительный, не знающий жалости и переменчивый в гневе, подобный свирепому тигру господин казался куда страшнее, когда улыбался, чем когда хмурился. Лу Су даже не помнил, как сумел выйти за ворота усадьбы Сунь — пожалуй, если бы не подоспевший слуга, у него отнялись бы ноги и он рухнул на землю.

Представители кланов Чжоу и Сунь уже давно поджидали Сунь Цэ и Чжоу Юя. Все радостно приветствовали их, когда те неспешно вошли внутрь. Госпожа Сунь поднялась со своего места

и обратилась к Сунь Цэ:

— Сынок, садись скорее на почетное место.

Сунь Цэ прошел к самому центральному и высокому сиденью в глубине зала, опустился на него и обвел взглядом собравшихся родственников. Вспомнив отца — в былые годы они вот так же собирались всей семьей в полном согласии и покое, — он тяжело вздохнул.

На сердце у Сунь Цэ скребли тяжелые думы, лицо омрачилось. Заметив это, госпожа Сунь поспешила его успокоить:

— Сынок последние три года был поглощен военными делами и политикой, я с таким трудом дождалась твоего возвращения... Сама приготовила твою любимую свиную рульку, поешь побольше, сынок.

Сунь Цэ с улыбкой ответил:

— Цэ благодарен матушке, — а затем обратился к остальным: — Прошу всех не церемониться, мы все здесь одна семья.

Все выразили благодарность:

— Благодарим господина за щедрость.

Пир начался. Матери хлопотали возле своих детей, справляясь об их здоровье. Чжоу Юй, не притронувшись к палочкам для еды, сперва обратился к матери:

— Матушка, как ваше здоровье в последнее время?

В глазах госпожи Чжоу блеснули слезы:

— Не тревожься обо мне, сынок, матушка держится. А вот ты — сколько лет не виделись, а так осунулся.

Чжоу Юй улыбнулся:

— На передовой не до изысков, матушка, не стоит беспокоиться.

Сунь Цюань за эти годы заметно вырос. Он вышел вперед, поклонился Сунь Цэ и произнес:

— Цюань приветствует господина, желает здоровья. Старший брат не возвращался несколько лет, Цюань безумно по нему соскучился.

Сунь Цэ хлопнул его по плечу, с ног до головы окинул взглядом и с улыбкой произнес:

— Братишка Цюань, как же ты вырос! А боевыми искусствами исправно занимался?

Сунь Цюань с улыбкой отрапортовал:

— Цюань всегда брал пример со старшего брата и день и ночь не позволял себе расслабляться, мечтая лишь о том дне, когда сможет выйти на поле боя и помочь старшему брату.

Сунь Цэ громко рассмеялся:

— Прекрасно! Вот это мой младший брат!

Когда Сунь Цюань вернулся на свое место, вторая госпожа Сунь вместе с Сунь Шансян тоже подошли и почтительно поклонились:

— Низкий поклон господину, желаем здоровья. А это — сестра господина, Шансян.

Вторая госпожа Сунь слегка подтолкнула вперед маленькую Сунь Шансян. Звонким детским голоском малышка повторила за Сунь Цюанем приветствие Сунь Цэ:

— Шансян приветствует господина, желает здоровья.

Сунь Цэ подхватил на руки едва державшуюся на ногах кроху Шансян и принялся ее баловать:

— Я твой старший брат, зови меня старшим братом.

Сунь Шансян заливисто засмеялась:

— Старший брат! Братишка А-Цэ!

Вторая госпожа Сунь, улыбаясь до этого, вдруг переменилась в лице, услышав, как Шансян назвала Сунь Цэ его детским именем. Испугавшись, что Сунь Цэ рассердится на невоспитанность девочки, она поспешила оправдаться:

— Шансян еще мала, пусть господин не судит ее строго за незнание правил.

Сунь Цэ улыбнулся:

— Тещуле не о чем беспокоиться. Раз такая кроха запомнила детское имя Цэ, значит, тещуля наверняка часто повторяла его. Если уж на то пошло, обижаться на это значило бы вести себя сущим ребенком.

Вторая госпожа Сунь отвесила поклон и удалилась с Сунь Шансян продолжать трапезу.

Все остальные веселились, пили вино и предавались праздности. Когда застолье подходило к концу, гости стали расходиться, выражая почтение. Госпожа Сунь тоже поднялась:

— Сынок, побудь дома, отдохни как следует какое-то время.

Сунь Цэ ответил:

— Сын сделает всё, как велит матушка.

Госпожа Чжоу тоже сочла, что пора возвращаться в покои — мужчинам еще предстояло обсудить военные дела, — поклонилась и тихо шепнула Чжоу Юю:

— При господине следи за каждым словом и поступком.

Чжоу Юй улыбнулся:

— Юй понимает, матушка, идите отдыхать.

Чжоу И, Чжоу Юй и Сунь Цэ втроем остались за столом пить вино и обсуждать военные планы, и засиделись далеко за полночь.

Когда основные вопросы были решены, захмелевший Сунь Цэ собрался уходить к себе и по привычке бросил Чжоу Юю:

— Гунцзинь, пойдем, проводишь меня на покой.

Чжоу Юй опешил и, заметив изумленный взгляд Чжоу И, тут же громко воскликнул:

— Господин изволил забыться! Мы же теперь в усадьбе Сунь, лагерь разбивать не нужно.

Сунь Цэ скосил глаза на вытаращившегося на него Чжоу Юя, сообразил, что Чжоу И всё еще стоит у него за спиной, и поспешно заговорил:

— Ах да, это я с пьяных глаз сболтнул лишнего, устроил тут балаган, ха-ха...

После этого он изобразил сильное опьянение и поспешно ретировался в свои покои.

Едва Сунь Цэ ушел, Чжоу И преградил путь собравшемуся следовать за ним Чжоу Юю:

— Отношения между тобой и господином донельзя близки.

Чжоу Юй поспешно стал оправдываться:

— Чувства, о которых говорит отец, — это лишь товарищеская братская привязанность.

Чжоу И нахмурился:

— Раз сыну не хочется говорить об этом, отец не станет неволить. Но в армии ходит немало кривотолков — береги себя, хм.

С этими словами Чжоу И взмахнул рукавами и удалился. Чжоу Юй медленно шел к дверям своей комнаты, размышляя над словами отца, и на душе у него скребла тяжелая тоска.

Вернувшись к себе, он обнаружил, что в комнате царит кромешная тьма. Неужели Чжоу Хань опять куда-то сбежал лентяйничать? Войдя внутрь, Чжоу Юй принялся шарить в поисках масляной лампы, как вдруг кто-то сзади заключил его в объятия. Чжоу Юй настороженно развернулся, собираясь уже нанести удар по незваному гостю, но тот двигался с невероятной ловкостью и в одно мгновение прижал Чжоу Юя к столу.

Настороженно развернувшись, Чжоу Юй уже собирался ударить пробравшегося украдкой негодея, но противник действовал со зловещей проворностью и намертво прижал его к столу.

В этот момент с масляной лампой в руке в комнату вошел Чжоу Хань и, увидев происходящее, радостно воскликнул:

— Молодой господин вернулся! Масло в лампе как раз закончилось, я бегал докупать... Ой, молодой господин, молодой господин Сунь, вы двое...

Перед его глазами предстала картина: Сунь Цэ прижимал Чжоу Юя к столу, возвышаясь над ним с грозным видом и не сходящей с лица издевательской усмешкой. Чжоу Юй же изо всех сил пытался глазами подать Чжоу Ханю знаки: мол, спаси меня.